

Владимир ТОМСИНОВ

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАЗРУШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА

Очерк второй

(Очерк первый см.: «Славяне». 2016/2017.
№ 4. С. 9–15)

Революция, произошедшая в России в конце февраля — начале марта 1917 года, несет в себе много неразгаданных тайн. Самая главная из них — можно сказать, ключевая — касается той силы, которая стояла за спиной заговорщиков, свергнувших Николая II с императорского престола, направляла их преступные действия и одновременно внушала им уверенность в успехе заговора. Эта сила должна была обладать необходимыми для возбуждения уличных волнений в Петрограде организационными и финансовыми ресурсами, иметь своих сторонников в российских правительственных кругах, в руководстве Государственной Думой, среди военачальников и, конечно, пользоваться поддержкой со стороны западных держав. Кто мог ее составлять, кроме российских капиталистов: торговцев, промышленников, банкиров?

Мысль о революционности и, следовательно, антигосударственной ориентации, если не всего буржуазного класса российского общества, то значительной его части, может показаться парадоксальной, но она отражает реальность.

Второй съезд военно-промышленных комитетов (ВПК) в России.
Февраль 1916 г.

А.И. Гучков

И социал-демократы, как большевики, так и меньшевики, и социалисты-революционеры, и конституционные демократы — почти все мало-мальски заметные антиправительственные партии получали финансовую подпитку от российских капиталистов. Поддерживались их деньгами и оппозиционные царскому правительству журналы и газеты. Чиновник и публицист И.И. Кольшко писал в своих воспоминаниях: «Из банковских касс, из мощны Морозова и иных русских миллионеров русская революционная мысль питалась до и после Милокува: на банковские деньги оперился, между прочим, наш “буревестник” Горький».

Подобные факты в исторической литературе обыкновенно объясняются желанием российских промышленников, торговцев, банкиров купить

себе прощение грехов на случай прихода к власти в России революционных партий. На самом деле эти партии были очень слабы, да и действовали во многом под контролем сотрудников Департамента государственной полиции, поэтому какие-то шансы захватить государственную власть могли появиться у революционеров лишь в исключительных обстоятельствах — при полном крахе в России монархического строя. Российские капиталисты оказывали революционному движению финансовую поддержку не потому, что боялись революционеров, а потому что сами были носителями революционных настроений. Они пытались использовать революционные партии в собственных интересах — как одно из орудий борьбы с самодержавием, лишившим их представителей доступа к высшим государственным постам. При этом российские капиталисты-революционеры имели собственную организацию, превосходившую по финансовому и политическому потенциалу все антиправительственные партии вместе взятые. Ее воплощал Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), учрежденный в

ТОМСИНОВ Владимир Алексеевич (род. 1951), выдающийся российский историк права, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права МГУ им. М.В. Ломоносова. Основатель и главный редактор книжной серии «Русское юридическое наследство»

Первый состав Временного правительства

июне 1915 года на первом съезде военно-промышленных комитетов с целью мобилизации промышленности для удовлетворения нужд армии. Руководящим органом данного комитета являлось бюро во главе с председателем, на пост которого в июле 1915 года был избран А.И. Гучков.

К началу 1917 года аппарат ЦВПК насчитывал двадцать шесть отраслевых и функциональных отделов. Призванный объединить российских промышленников для оказания помощи государству, данный комитет получил из государственной казны для ведения своей деятельности в течение второй половины 1915–начала 1917 года 170 млн. руб. В его полномочия входило распределение военных заказов между предприятиями, создание новых предприятий и производств, координация деятельности с Особым совещанием по обороне государства. Это означало, что ЦВПК имел все возможности для превращения в чрезвычайно влиятельную в стране политическую силу, подчиняющую своей власти не только промышленников, торговцев, банкиров, командующих фронтами и армиями, но и целые государственные институты. Оппозиционно настроенные по отношению к царскому правительству промышленники, финансисты и политики получили в лице этой организации просто идеальный для российских условий инструмент политической борьбы и подготовки государственного переворота.

Есть много свидетельств о том, что А.И. Гучков еще с 1914 года

вынашивал замысел подготовки государственного переворота с целью отстранения императора Николая II от верховной власти. (Так, еще в марте 1914 г. А.И. Гучков заявил на одном из торжественных обедов: «Война в это лето начнется обязательно... Мы это предусмотрели... и устроим так, что оба императора (русский и германский) очутятся перед *fait accompli*... Ликвидация династии будет величайшим благом для России». Если

русский политик-предприниматель действительно это сказал, то можно не сомневаться в его теснейшей связи с масонской организацией, поставившей своей целью уничтожение исторически сложившейся, традиционной России.) На допросе в Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства, состоявшемся 2 августа 1917 года, Александр Иванович признался, что подготовку государственного переворота он начал в 1915 году. По его словам, вся экономическая жизнь страны катилась под гору, потому что государственная власть, которая должна была взять на себя организацию тыла, «была и бездарна, и бессильна». В этот-то момент для меня «стало ясно, что как во внутренней жизни пришли мы к необходимости

насильственного разрыва с прошлым и Васильев А.Т., директор Департамента полиции

государственного переворота, так и в этой сфере, в сфере ведения войны и благополучного ее завершения, мы поставлены в то же положение. Идти прежним путем, значит привести войну к полной неудаче, может быть, не в форме какой-нибудь внезапной катастрофы, но в форме, я бы сказал, тягучего процесса изнурения страны, понижения одушевления и завершения всего этого плачевным бессилием, плачевной капитуляцией. Как в вопросах внутренней политики надо было руководящим классам прибегнуть к новым приемам, так и в вопросе ведения войны надо было ясно сознать, что рука об руку с существующей властью мы к победе не придем. **Нужно было стать на путь государственного переворота».**

Это задокументированное следователем Чрезвычайной Следственной комиссии признание А.И. Гучкова выдавало в нем неистового, не считающегося с подлинными интересами своей страны революционера. По мнению людей, тесно с ним общавшихся, он, как настоящий революционер,

...все мало-мальски заметные анти-правительственные партии получали финансовую подпитку от российских капиталистов

пылал личной и самой лютой ненавистью к своему государю, так что готов был на его свержение с престола буквально любой ценой. И якобы однажды, на возражение, что не следует затевать заговоры во время войны, поскольку даже неудавшаяся попытка его может посеять хаос и отдалить победу, Гучков жестко ответил: «Черт с ней, с победой, лишь бы скинуть царя!».

Подобным настроением был обуреваем и А.Ф. Керенский. По свидетельству начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева, «в январе 1917 г. Керенский уже твердо верил в успешность переворота и проповедовал настоятельную его необходимость. Он говорил: «Революция нам нужна, даже если б это

Отречение от престола Николая II. В царском вагоне: министр двора барон Фредерикс, генерал Н. Рузский, В. В. Шульгин, А. И. Гучков, Николай II. 2 марта 1917 г.

стоило поражения на фронте". Для него весна 1917 г. представлялась единственным возможным моментом, чтобы сбросить ненавистный ему государственный строй, даже в том случае, если б это грозило величайшими потрясениями страны и целостности государства).

Центральный военно-промышленный комитет, предназначенный для решения исключительно экономических задач, Гучков сразу после того, как стал его председателем, начал превращать в организацию политической направленности. На это указывает прежде всего кадровая политика, проводившаяся им в рамках данного комитета. В его руководящий состав вошли, например, такие деятели, как А. И. Коновалов (занимавший пост заместителя председателя), А. А. Бубликов, М. И. Терещенко, и М. М. Федоров. Членами комитета стали И. В. Годнев, М. А. Караулов, Н. Н. Кутлер, В. П. Литвинов-Фалинский, кн. Г. Е. Львов, Н. В. Некрасов, П. И. Пальчинский, П. П. Рябушинский, Н. В. Савич, М. В. Челноков, А. И. Шингарев и др. Все эти люди оказались впоследствии участниками государственного переворота, а семеро из них (Годнев, Гучков, Коновалов, Львов, Некрасов, Терещенков, Шингарев) вошли в первый состав Временного правительства.

Генерал-майора К. И. Глобачева, занимавшего в последние два года существования Российской империи должность начальника

Петроградского охранного отделения, именно кадровый состав руководства Центрального военно-промышленного комитета навел на подозрение, что истинный характер деятельности этой организации, ее настоящие, скрытые цели «далеко не были так благородны и патриотичны». В своих воспоминаниях Константин Иванович отмечал, что данный комитет, «созданный по мысли Гучкова и его товарища Коновалова», был набран «из лиц, принадлежавших главным образом к оппозиционным и противоправительственным партиям», и, естественно, стал «той легальной возможностью, где можно было совершенно забрононированно вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев, создать до известной степени один из революционных центров и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном для себя политическом смысле».

Алексей Тихонович Васильев был мудрым человеком — недаром возглавлял в самые трудные для России годы Департамент полиции (со 2 октября 1916 до 28 февраля 1917 г.). В своих мемуарах он признавался, что переписку между главными заговорщиками: А. И. Гучковым, П. Н. Милоковым, М. В. Родзянко, М. В. Алексеевым, Н. В. Рузским, которую ему надлежало регулярно просматривать по роду службы, читал с чрезвычайным удивлением: «Тон, принятый

у этих людей, просто изумлял; для них было само собой разумеющимся говорить о необходимости «изменений в государственном строе». Ни в одной другой из воюющих стран этого не могло случиться. Везде, даже в Германии, все партии объединяло желание сначала победоносно завершить войну, а затем проводить внутренние реформы. Но в России, в то время когда положение было критическим, люди все меньше и меньше думали о войне и все больше и больше о политическом перевороте. Между тем блокада привела Германию на край гибели, и поэтому надежды на победу союзников представлялись весьма реальными».

8 марта 1917 года в Александровском зале Петроградской городской думы состоялось торжественное заседание Центрального военно-промышленного комитета. Формально российские промышленники собрались для чествования своих представителей, вошедших в состав Временного правительства, а фактически для того, чтобы отпраздновать свою победу над самодержавием. Открыл это заседание своей речью военный министр (и временно — морской) А. А. Гучков.

Александр Иванович не скрывал своего удовлетворения действиями возглавляемой им организации по подготовке произошедшего государственного переворота. По вполне понятным причинам он был вынужден говорить намеками, но для посвященных в тайны «февральско-мартовской революции», было нетрудно эти намеки разгадать. «Господа, — обращался к собравшимся Гучков, — почему наши военно-промышленные организации сыграли ту

Военнослужащие и гражданские лица читают листовки с текстом отречения царя

роль, которая выпала на их долю за эти последние дни? Нет ли какого-нибудь противоречия, какой-нибудь невязки между основными задачами, которые поставила себе русская общественность, создавая два года тому назад военно-промышленные комитеты и раскинув громадную сеть в несколько сот организаций по всей России, и вот этим результатом, — этим участием наших организаций в событиях последних дней?» Ответ Гучкова на этот вопрос был весьма откровенным. «Два года тесно переплетенной работы с властью и ее органами, — заявил он, — окончательно убедили нас — всех руководителей нашей организации и всех наших сотрудников, — что при наличии этой власти победа для России невозможна, что надо включить в нашу программу сотрудничества в деле войны необходимость свергнуть эту власть, ибо только при этих условиях являлись шансы на победу. И вот, таким образом, деловая, спокойная, промышленная — хотя и военно-промышленная организация, задавшаяся скромной, честной, лояльной целью сотрудничества с властью, приняла ту боевую, вооруженную позицию, которую пришлось принять, чтобы выполнить нашу основную и заранее поставленную задачу — добиться победы... **Мы не были революционной организацией, когда мы создавались;** вы были не правы, когда преследовали нас — и организацию в ее совокупности, и отдельные группы наших членов и, наконец, отдельных на-

ших членов, как преступников и революционеров. **Но мы сделали такими:** это вы нас такими сделали, потому что мы пришли к заключению, что только без вас Россию ждет победа. И вот каким образом **мы, мирная, деловая, промышленная, хотя и военно-промышленная организация, вынуждены были включить в основной пункт нашей практической программы переворот, хотя и вооруженный.**

Гучков не объяснил в своем выступлении, почему при сохранении на троне Николая II была невозможна победа России в союзе с Францией, Великобританией и готовившимися вступить в войну США над истощенными Германией и Австро-Венгрией. Не сказал он даже намеком и о том, что именно произошедший государственный переворот сделал победу России невозможной, хотя в то время уже явно догадывался об этом.

Будучи в эмиграции Александр Иванович признается, что с самого образования Временного правительства совершенно не верил в его успех. В беседе с бывшим директором дипломатической канцелярии при Ставке Верховного главнокомандующего Н.А. Базили, состоявшейся в

1932 году, он скажет, что после отречения Николая II в пользу своего брата — великого князя Михаила и принятия последним решения в том лишь случае «воспринять верховную власть», если такова будет воля народа, выраженная Учредительным собранием, Временное правительство осталось «без какой бы то ни было санкции сверху в смысле отсутствия монархического престижа и преемственности власти и в смысле отсутствия опоры снизу, когда не было ни законодательных учреждений, ни опоры в организованном общественном мнении и настроении масс». Поясняя эти слова, Гучков с досадой произнесет: «Мы буквально повисли в воздухе: не было почвы и наверху не было исторического знамени. В тот момент, когда я убеждал государя отречься, я считал, что с маленьким Алексеем в качестве государя (и вообще с каким-то все-таки законным государем во главе) этой власти можно было спасти положение. Был не

только символ, а была

какая-то живая сила, которая имела в себе большое притяжение, для борьбы за которую можно было найти очень много людей, которые умерли бы за царя, даже маленького. [Иное дело —] за Временное правительство. Надо было обладать высоким разумом для того, чтобы через эту группу людей обычного склада прозревать Государство, От-

ечество, страну». Самое поразительное в русской государственной катастрофе, называемой февральско-мартовской революцией 1917 года, — это бездумность и легкость, с которыми главные ее участники принимали судьбоносные для страны решения. И заговорщики, и государь действовали в критические моменты, руководствуясь более эмоциями и мифами, нежели здравым смыслом и точным знанием ре-

Демонстрация солдат

Заседание Временного правительства первого состава в Мариинском дворце. Справа налево: министр торговли и промышленности А.И. Коновалов, министр земледелия А.И. Шингарёв, министр путей сообщения Н.В. Некрасов, министр иностранных дел П.Н. Милюков; председатель Совета министров князь Г.Е. Львов; министр юстиции А.Ф. Керенский; министр финансов М.И. Терещенко; государственный контролёр И. В. Годнев; министр народного просвещения А.А. Мануйлов; товарищ министра внутренних дел Д.М. Щепкин; управляющий делами правительства В.Д. Набоков

альной обстановки. Они старались уверить себя и других, что действуют во благо России, однако поступки, которые ими совершались, оказывались по какой-то роковой закономерности предельно губительными для страны.

Губительным было решение об отстранении Николая II от верховной государственной власти. Заговорщики предполагали сначала добиться этой цели путем создания правительства, ответственного перед Государственной Думой, но столкнувшись с нежеланием Николая II пойти в этом вопросе на уступки, решили добиваться его отречения от престола. При этом они почему-то решили, что данное отречение может состояться только в пользу сына императора великого князя цесаревича Алексея Николаевича и были уверены, что смена монарха не только не разрушит государство, но даже укрепит его.

В действительности же полная бессмысленность и чрезвычайная опасность дворцового переворота была очевидной. На это указывал лидер московского отделения Конституционно-демократической партии князь П.Д. Долгоруков в составленной им 16 января 1917 года записке об оценке кадетами переживаемого момента. «России необходимо ответственное министерство, ибо только оно одно может спасти и страну, и престол от различных безответственных влияний и темных сил», — утверждал он в первом пункте этого документа. Князь выражал мнение о том, что только ответственное

министерство может избавить государыню Александру Федоровну от «тяжкого и, весьма вероятно, беспочвенного обвинения» в активном пособничестве Германии. В шестом и седьмом пунктах своей записки князь П.Д. Долгоруков считал необходимым заявить: «Если государь не вступит добровольно на путь создания ответственного министерства, то перед нами, судя по последним настроениям семьи Романовых, встанет грозная опасность дворцового переворота со стороны людей, не желающих быть под началом истеричной, но более сильной, чем государь, женщины. Эта опасность дворцового переворота тем реальнее, что теперь нет даже среди правых, которым эта ужасная война открыла глаза на истинную сущность нашей безответственной власти, компактного ядра противников ответственного министерства... Между тем дворцовый переворот не только нежелателен, а скорее губителен для России, так как среди дома Романовых нет ни одного, кто мог бы заменить нашего государя. Вот почему дворцовый переворот не может дать никого, кто явился бы общепризнанным преемником монархической власти на русском престоле. А раз это так, то дворцовый переворот не только не внесет умиротворение, а, наоборот, заставит нас, убежденных конституционных монархистов, встать на сторону республиканского строя».

Мнение князя П.Д. Долгорукова о том, что смещение Николая II с престола приведет к крушению

монархии и создаст угрозу существованию России опиралось на реальную оценку политической ситуации, сложившейся в Императорском Доме. Но заговорщики были настолько поглощены стремлением лишить царствующего императора верховной государственной власти, что добиваясь достижения этой цели, вовсе не думали о последствиях своих действий. Генералы и политики, участвовавшие в заговоре против своего государя, вполне понимали, что государственный переворот в условиях, когда Россия вела тяжелейшую войну с тремя могущественными империями: Германской, Австро-Венгерской и Османской, являлся чрезвычайно рискованной операцией, поскольку создать мало-мальски легитимное в глазах населения новое правительство взамен царского было в тех обстоятельствах почти невозможно. Тем не менее они пошли на свержение Николая II с престола. Объясняя это решение, П.Н.Милюков сделал следующее в высшей степени удивительное признание: «Мы знали, что весной предстояли победы Русской армии. В таком случае престиж и обаяние Царя в народе снова сделались бы настолько крепкими и живучими, что все наши усилия расшатать и свалить престол Самодержца были бы тщетны. Вот почему и пришлось прибегнуть к скорейшему революционному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность».

Это признание многое раскрывает в мотивах поведения заговорщиков. Из него видно, что интересы отечества и государства российского они открыто приносили в жертву своему желанию свер-

Последнее заседание Государственной Думы по империи. Март 1917 г.

Керенский встречает казачий полк, прибывший с фронта

гнуть Николая II с престола. Ведь если уважение к царю восстанавливалось в русском народе, снова делалось крепким и живучим, то значит укреплялось и государство. Зачем же в таком случае вызывать революцию, взрывающую монархию? Очевидно, что надобно было просто ждать, содействовать естественному развитию государственного строя Российской империи, которое явно шло в направлении большего участия общества в управлении страной и соответственно к созданию правительства, ответственного не только перед императором, но и перед Государственной Думой.

И.И. Тхоржевский, служивший в 1906–1916 годах в Министерстве земледелия, а после революции живший в эмиграции, в своих воспоминаниях об А.И. Гучкове и февральско-мартовской революции, написанных в 1936 году, высказал много критических слов о Николае II. «Самодержавие, — справедливо укорял он царя, — портило наш правящий бюрократический класс, воспитывая не государственных людей, а угодников и карьеристов». И сам государь, и в особенности его истеричная и не слишком умная супруга, неспособная понять какое раздражение вызывает в обществе ее вмешательство в государственные дела, совершали немало таких поступков, которые порождали недовольство со стороны различных общественных слоев. Но все это не мешало успешному развитию

России, которое прервала только Первая мировая война. Поэтому И.И. Тхоржевский был убежден, что нельзя было свергать царя. «Необходимо было, — утверждал он, — дотянуть до военных успехов (к чему уже дело и шло). Военное сопротивление немцам было все-таки гораздо возможнее при старом строе, нежели после его крушения. А со штатскими — пускай необходимыми — переменами следовало потерпеть... И, во всяком случае, лишь в состоянии крайнего нетерпения, даже идя внутренне на дворцовый переворот, думские политики должны были бы сознавать, что взбунтовать — для сведения политических счетов с монархией — тылового неизвестного солдата, попросту не желавшего воевать, было с их стороны безумием. Непростительной переоценкой собственных сил. Любой министр и общественный деятель мог быть семи пядей во лбу. Мог быть (и бывал!) куда умнее и энергичнее Государя. Мог он, допустим, и выходить из себя иной раз, при соприкосновении с царским двором...

Но все-таки! Надо же было сознавать, что “мистики”, окружавшей историческую царскую власть, за несколько месяцев не создашь! И уж никак не заменишь личной, собственной талантливостью.

Когда свергли царскую власть, некому стало не только служить, но некому и быть в оппозиции. Гениальные общественные деятели

и министры полетели — все! — от пинка солдатского сапога».

Разрушительные для традиционной русской государственности последствия так называемой «февральской революции» 1917 года были вызваны действиями не только заговорщиков, но и государя императора Николая II. «Успех восстания в Петербурге еще не означал гибели монархии в России, — писал в своих воспоминаниях И.И. Тхоржевский. — Тыловой, взбунтовавшийся “неизвестный солдат” сам в первые дни еще трепетал, требуя “неразоружения и невывода” из Петербурга на фронт. Решающей силой был именно фронт, сравнительно еще крепкий. И вот тут-то соотношение сил было внезапно изменено в пользу революции — не только союзом, очень недолгим, Думы и улицы, но и скоропалительным отречением». Это мнение подтверждается многими фактами. Депутат Государственной думы, инженер путей сообщения по специальности, А.А. Бубликов, назначенный заговорщиками утром 28 февраля управлять Министерства путей сообщения, также связывал государственного переворота с малодушным отречением Николая II от верховной власти. «Ощущи он тогда хотя малейший прилив энергии и я был бы на виселице, — утверждал Бубликов в своих воспоминаниях, опубликованных спустя полтора года после роковых событий. — Ведь в Петербурге была такая неразбериха, Петербургский гарнизон уже тогда был настолько деморализован, на “верхах” так мало было толку, порядка и действительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание в корне было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простым перерывом железнодорожного сообщения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. Мне это, сидя в министерстве путей сообщения, было особенно ясно видно».

Основные законы Российской империи предусматривали отречение, но только от **прав наследования** престола, а не от самого престола. Статья 37 Свода основных государственных законов издания 1906 года устанавливала, что при действии правил «о порядке наследия Престола лицу, имеюще-

му на оный право, предоставляет-ся свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола». Отречься от престола могло только лицо, стоявшее в очереди его наследников, и лишь при условии, если такое отречение не создавало никаких проблем для дальнейшего наследования престола.

Для царствовавшего императора Основные законы Российской империи не предусматривали ни малейшей возможности отречься от престола. Взойдя на престол он юридически прикреплялся к нему на все время своей жизни. И в таком порядке был глубокий смысл.

Согласно статье 57 Свода основ-

стве Божией, яко и в день суда Его непотыдно воздаст Ему слово».

Статья 63 Свода основных государственных законов издания 1906 года устанавливала правило, по которому «император, Престолом Всероссийским обладающий», не мог исповедывать «никакой иной веры, кроме Православной». Статья 64 объявляла о том, что «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правотверия и всякого в церкви святой благочиния».

Приведенные статьи показывают, что власть императора регулировалась в Российской империи публично-правовыми законами и одновременно освящалась ре-

бом освобождения лица, взшедшего на престол, от бремени царской власти, в России могла быть лишь его смерть. **Любые же попытки просто отстранить императора от престола, вели к возникновению нелегитимной власти, а значит — к разрушению государства.**

Своеобразие юридической конструкции верховной государственной власти определила во многом и своеобразие произошедшей в России в конце февраля — начале марта 1917 года революции. Ее необычность признавали и политики, являвшиеся непосредственными участниками роковых событий.

Отречение Николая II от императорского престола было отречением от священной обязанности и уже по одной этой причине незаконным. **Можно отречься от прав, но нельзя отречься от долга, тем более царского, священного.** Николай же отрекался не только за себя, но еще и за сына своего, что усугубляло незаконие его поступка. Брат же его Михаил не имел никаких законных оснований принимать переданный ему старшим братом-венценосцем царский трон, и у народа были соответственно причины не признавать его новым царем. Выход, который предложили ему заговорщики, был в сущности единственным — он просто напрашивался, а именно: опереться на волеизъявление народа. 3 марта великий князь

Основные законы Российской империи предусматривали отречение, но только от прав наследования престола, а не от самого престола

ных государственных законов издания 1906 года, «по вступлении на Престол, совершается священное коронование и миропомазание по чину Православной Греко-Российской церкви». Примечанием № 1 к статье 58 было определено, что данный обряд должен был совершаться «в Московском Успенском Соборе в присутствии высших государственных правительств и сословий, по Высочайшему назначению к сему призываемых».

В примечании № 2 к указанной статье предписывался следующий порядок священного коронования и миропомазания: «Император, пред совершением сего священного обряда, по обычаю древних Христианских Государей и Боговенчаных Его предков, произносит вслух верных Его подданных символ Православно-Кафолической веры и потом, по облечении в порфиру, по возложении на Себя короны и по восприятии скипетра и державы, призывает Царя Царствующих в установленной для сего молитве, с коленопреклонением: да наставит Его, вразумит и управит, в великом служении, яко Царя и Судию Царству Всероссийскому, да будет с Ним приседящая Божественному престолу премудрость, и да будет сердце Его в руку Божию, во еже вся устроить к пользе врученных Ему людей и к

лигиозным обрядом. Она имела священный характер и выступала как «великое служение». Император выступал одновременно и как персона (физическое тело), и как государственный орган или институт (политическое тело). От власти такого рода невозможно было отречься частному лицу по собственному желанию и тем более по принуждению каких-либо сил. Единственным законным спосо-

Дни февральской революции на германском фронте

Второй состав Временного правительства

Михаил Александрович подписал акт, в котором заявил, что «принял твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы государства российского». Однако верховная власть, принятая по воле народа, выраженной его представительным органом, переставала быть властью царской, самодержавной и становилась подобной власти главы государства в республиках. Великий князь Михаил Александрович так же, как и Николай II, грубейшим образом нарушали основные законы своего государства и фундаментальные религиозно-юридические устои верховной государственной власти в Российской империи.

4 марта 1917 года Акт об отречении Государя Императора

Николая II от престола Государства Российского в пользу великого князя Михаила Александровича и Акт об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти и о признании им всей полноты власти за Временным Правительством, возникшим по почину Государственной Думы, были опубликованы для всеобщего сведения. 5 марта тексты этих документов появились на первой странице «Вестника Временного правительства». Государственный переворот завершился полным успехом. Заговорщики добились своей главной цели — отстранения Николая II от верховной государственной власти.

Казалось бы они должны были торжествовать, но никакого праздника в их стане не наблюдалось. Отречение государя от престола в пользу великого князя Михаила Александровича спутало все замыслы заговорщиков. Им не удалось создать правительство, освященное авторитетом вековой монархической власти, и легитимное в глазах населения. Отсутствие необходимой легитимности у правительства заговорщиков хорошо выражало его название «временным». Обреченность этого правительства раньше всех осознали Гучков и Милоков, поэтому побыв недолго министрами, без сожаления расстались с властью. А председателя Государственной думы Родзянко до власти не допустил Совет рабочих депутатов.

Просчитались и генералы, предавшие своего государя: они не понимали, что армия подчинялась им только потому, что над ними был царь. Не стало царя, и армия решила, что повиноваться больше никому.

В телефонном разговоре с Гучковым, состоявшемся вечером 3 марта, после того, как стало известно об отказе великого князя Михаила Александровича взыти на престол до решения Учредитель-

ным собранием вопроса о форме правления, генерал Алексеев не скрывал своих опасений за судьбу армии и России. «Неужели нельзя было убедить великого князя принять временно до созыва Собрания власть? — взывал он к разуму Гучкова. — Это сразу внесло бы определенность в положение России вообще в серьезный для данной минуты отношения к союзникам, а главное — явилось бы отличным способом влиять на настроение армии... Трудно предусмотреть, как примет стоящая в окопах масса манифест третьего марта. Разве не может она признать его вынужденным со стороны? Теперешнюю действующую армию нужно беречь и беречь от всяких страстей в вопросах внутренних. Ведь теперешний Петроградский гарнизон, разложившийся нравственно, бесполезен для армии, вреден для государства, опасен для Петрограда. От этого нам нужно сохранить все части действующей армии, ибо жестокая борьба еще далеко не закончена, и каждый борец необходим отечеству. Хотя бы непродолжительное вступление на престол великого князя сразу внесло бы и уважение к воле бывшего государя и готовность великого князя послужить своему отечеству в тяжелые переживаемые им дни. Уверен, что на армию это произвело бы наилучшее бодрящее впечатление, а ведь в этом теперь залог успешного решения важнейшей государственной задачи».

Свержение императора Николая II с престола повлекло за собой не появление нового монарха, а полную ликвидацию в России монархии. Поскольку же аристократия, дворянство, духовенство, буржуазия — все правящие круги Российской империи — были неразрывно с монархией связаны, жили с нею и за счет нее, то крушение монархии стало крахом для всего высшего слоя российского общества.

Первое открытое признание разрушительных последствий государственного переворота со стороны главных его участников последовало ровно через два месяца после опубликования акта об отречении его величества от престола. Выступая 4 мая 1917 года на частном совещании членов Государственной Думы, А.И. Гучков сообщил, что уходит из Временно-

го правительства и как бы в свое оправдание заявил: «Господа, то, что заставило меня уйти от власти, это была полная невозможность при сложившихся условиях выполнять свой долг, вызывая в стране опасную иллюзию чего-то несуществующего. Я ушел от власти потому, что ее просто не было... Ведь все-таки на началах непрерывающегося митинга управлять государством нельзя, а еще менее можно командовать армией на началах митингов и коллегиальных совещаний. А мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили **самую идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть**».

19 июля 1917 года Временный комитет Государственной Думы опубликовал в кадетской газете «Речь» заявление, в котором констатировалось: «Перед нами во весь рост стоит угроза государственного банкротства, разорения земств и городов, разрушения промышленности, торговли и сельского хозяйства, полного расстройтва железных дорог, угроза голода и холода для городского населения.

Катастрофа в тылу повлечет за собою гибель армии, а гибель армии есть гибель России.

Путь только один — твердая и сильная власть, которая сурово потребовала бы от каждого и всех выполнения своего долга.

Правительство не должно руководствоваться велениями партийных организаций и отдельных классов, но, сильное в самом себе в своем единодушии, оно должно преследовать лишь одну цель — охранение великой нашей родины от смертельной опасности разложения.

Революция смела все власти на местах. Новые представители правительства в губернских и уездных центрах находятся в полной зависимости от местных партийных и классовых организаций, которые властно диктуют им свою волю. Судебные власти бездействуют. На местах господствуют комитеты и советы различных наименований и различного, часто самовольного, возникновения, постоянно меняющегося состава. Они не знают ни своих прав ни своих обязанностей. Лишенные правительственного руководства и не сдерживаемые никем, они считают себя облада-

Восставшие войска на грузовике

ющими всю полноту государственной власти.

Первейшей задачей правительства является безотлагательная организация правильной системы управления и суда, без чего все намеченные правительством реформы не могут быть осуществлены».

Это заявление показывало, что к середине лета 1917 года процесс разрушения государства в России, запущенный осуществленным в конце февраля — начале марта государственным переворотом, не только не был остановлен, но даже ускорился. Стала распадаться вся система жизнедеятельности населения. Вопрос о том, кому будет принадлежать верховная государственная власть, превратился по сути в вопрос о том, будет ли эта власть существовать в России.

Два явления определяют существование так называемых «великих

...краху монархии стало крахом для всего высшего слоя российского общества

революций», составляют роковые их символы: свобода и смерть. Сокрушая старый государственный строй и соответствующий ему правопорядок, освобождая индивидов от ветхих форм социально-политической жизни, революционеры одновременно разрушают сложившуюся в течение веков систему обуздания человеческих пороков. Свобода превращается таким образом в свободу зла, убивающую своим ядом человечность в человеке, социальность в обществе, государственность в государстве.

Как следствие возникает гражданская война — война всех против всех. Самая страшная из всех войн. Подобный ход и смысл событий мы видим и в английской революции 1640–1660 годов, и в Великой французской революции 1789–1795 годов.

Февральско-мартовская революция 1917 года в России оказалась еще одним проявлением этой роковой закономерности. Она стала результатом полного разложения всего высшего слоя Российской империи, включая династию Романовых, дворянство, буржуазию, духовенство, интеллигенцию, правительство и либеральную оппозицию. Именно поэтому крушение монархии вылилось в разрушение государства как такового и сделало неизбежным скатывание общества к гражданской войне. Восстановить государство в условиях, когда высший общественный слой предельно дискредитировал себя в глазах населения, проявил себя совершенно неспособным управлять страной, можно было только на принципиально новых началах и сделать это могла только новая сила, способная опереться на народную стихию и использовать ее для возрождения России как полноценного государства и единой страны.

Многие борцы с самодержавием, активные участники государственного переворота, сокрушившего Российскую империю, оказавшись в эмиграции, продолжили борьбу. Только на этот раз своим злейшим врагом они выбра-

ли большевиков. Особенно рьяно боролся против них А.И. Гучков. «Он как никто преследовал большевиков, травил их в иностранном общественном мнении...», — вспоминал о Гучкове-эмигранте И.И. Тхоржевский. Между тем политический успех большевиков был предопределен разрушительными для российской государственности событиями конца февраля — начала марта, в которых Гучков сыграл, если не самую значимую, то одну их наиболее значимых ролей.

Большевики победили осенью 1917 года потому, что оказались в России единственной организованной политической силой, способной возродить государственность.

Эту истину хорошо поняли (правда, уже в эмиграции) некоторые активные участники так называемой «февральской революции», не утратившие в пылу борьбы с самодержавием здравого смысла. Одним из таких людей был В.А. Маклаков. Сравнивая между собой две русских революции 1917 года, Василий Алексеевич по прошествии четырех лет с печалью констатировал: «Во время революции мы оказались свободны. Нам никто не мешал; нужно было не только разрушать, но и строить; тут невозможна была одна программа: долой. Но наша программа свелась к одному отрицанию... Я опять прихожу к трагическому выводу: если я с ненавистью и презрением

отношусь к «великой» мартовской революции и с негодованием к претензии заставить ей поклоняться, то скажу совершенно обратное про октябрьскую. Октябрьская революция — настоящая революция. Не будь ее, мартовская прошла бы как маленький эпизод, который скоро кончился бы реставрацией... Октябрьская революция дала все, что полагается дать революции, — и программу, и дерзновение, и смелость убежденных и верящих людей. К ним, конечно, как всегда примазались мерзавцы; они бывают всегда, но в октябрьской рево-

указывает на обратное движение, возвращение к прежнему состоянию. Между тем в современной литературе данным термином чаще всего называют быстрый, насильственный переход общества и государства в новое состояние. В «Советской исторической энциклопедии» социальной революцией называется «коренной переворот в жизни общества, изменяющий его структуру и означающий качественный скачок в его прогрессивном развитии». Определяя данное явление как радикальное насильственное качественное изменение

Большевики победили осенью 1917 года потому, что оказались в России единственной организованной политической силой, способной возродить государственность

люции были и настоящие сильные люди — революционеры. Конечно, она явилась со всем тем, что я вообще не люблю в революции, но это было все-таки то, что отличает Революцию от шалости и балагана. Если история когда-либо и признает значение, то это октябрьской, а не мартовской революции».

7 декабря 1920 года В.А. Маклаков сообщал из Парижа бывшему послу Временного правительства в США Борису Александровичу Бахметеву: «Сюда приехала жена Струве, которая уже, конечно, не большевичка; слушая ее, я как-то невольно чувствую, что она говорит правду и, в общем, ее вывод таков — прежде всего не считайте, что большевизм есть анархия, ничего подобного, **большевизм есть государство, и большевики — государственная власть**; конечно, это не демократическая власть, не излюбленная народом власть и т.д., но это все-таки же власть, которая путем очень несовершенных органов успевает держать некоторый порядок в стране».

* * *

Термин «революция», который применяется для обозначения судьбоносных для России событий 1917 года, сам по себе не объясняет их сути. Трудно назвать другой термин, который бы своим внутренним смыслом в такой большой степени не соответствовал обозначаемому им явлению. Ведь приставка «ре» к слову «эволюция»

в государственном и общественном строе, в официальной политической идеологии, доминирующих ценностях, ученые предполагают, что на месте и вместо разрушенного государства возникнет государство новое, качественно отличающееся от прежнего, сокрушенного революцией. Но если этого не происходит, если существующее государство под действием заговора просто гибнет, а нового государства вместо него не возникает, то можно ли в этом случае говорить о революции? *Может быть, правильнее называть такой поворот событий не революцией, а просто разрушением государства.*

И как понимать приход к власти новой политической силы в условиях разрушенного государства, если эта сила своими действиями, пусть и немислимо жестокими, восстанавливает государство — естественно, на других основаниях и в других формах, нежели то, которое было разрушено?

В данном случае действительно происходит радикальное качественное изменение, переход в новое состояние, но не от одного государственного строя к другому, а от безгосударственного состояния к государственности. Можно ли такое превращение назвать революцией? Не представляет ли собой это явление нечто большее, чем просто революция?

Первые дни Октябрьской революции